

В СТЕПЯХ КУЛУНДЫ

Абрам Абрамович Фаст — исследователь истории переселения немцев и немецких поселений на Алтае, автор статей, очерков и книг по данной тематике, e-mail: abramfast36@gmail.com ([подробнее](#)).

Очерк написан на основе печатных и архивных источников, воспоминаний старожилов и повествует о причинах и массовом, организованном переселении немецких колонистов в Алтайский округ (Кулундинская степь) Томской губернии в 1906-1910 гг., о трудностях переселения и первых социально-экономических успехах на новой малой родине.

Также автор описывает поездку по Сибири премьер-министра России П.А. Столыпина осенью 1910 г., посещение им волостного управления Орловской волости и результаты этой поездки.

В очерке показана роль лидера переселенческого движения немцев в Сибирь – волостного старшины Я.А. Реймера.

Ключевые слова: немцы, немецкие поселения, переселение, Алтай, Кулундинская степь.

A.A. Fast

In the Steppes of Kulunda

The essay is written on the basis of published works and archival sources, memories of old-timers; it tells us about the reasons and the massive, organized resettlement of German colonists in the Altai District (Kulundinskaya steppe) of the Tomsk province in 1906-1910, about the difficulties of resettlement and the first socio-economic advances in the new homeland.

The author also describes the trip to Siberia of the Russian Prime Minister P.A. Stolypin in the autumn of 1910, his visit to the Orel volost department and the results of this trip.

The essay shows the role of the leader of the German resettlement movement in Siberia - head of the volost J. A. Reimer.

Key words: the Germans, German settlements, resettlement, Altai, Kulundinskaya steppe.

По свидетельству историка Н.М. Карамзина, появились немцы в России в конце первого тысячелетия нашей эры. Стремясь ослабить свою зависимость от Византии, русские князья устанавливали отношения со странами Западной Европы.

Так, в ответ на письмо вдовы князя Игоря Ольги в 961 г. в Киевскую Русь была направлена представительная делегация во главе со священнослужителем Альбертом.

Оседали немцы в русских городах и в дальнейшем. Это приглашенные ремесленники, врачи, ученые, военные, содействовавшие развитию ремесел, мануфактур, военного искусства.

Особенное место в истории поселения немцев в России занимает период царствования Петра I. На призыв Петра переехать в Россию откликнулись тысячи военных, ученых, учителей, художников, архитекторов, помогавших ему «прорубить окно в Европу» и строить новую столицу Российской державы.

Однако массовый организованный переезд немцев в Россию начался после издания Екатериной II Манифеста от 22 июля 1763 г. «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых Губерниях они пожелают и о дарованных им правах» [1]. Екатерина II хорошо понимала экономическое значение освоения новых территорий и увеличения народонаселения страны. Она писала: «Мы нуждаемся в населении. Заставьте, если возможно, кишмя кишеть народ в наших пространных

пустырях» [2].

Льготные условия переселения вызывали интенсивную колонизацию южных окраин России и Поволжья. В 1764–1770 гг. – всего за шесть лет – создается 117 немецких колоний, а через сто лет после обнародования манифеста в России насчитывалось уже 505 иностранных колоний, в подавляющем большинстве населенных немцами. К 1908 г. насчитывалось 2 млн 70 тыс. граждан немецкой национальности в Российской империи [3].

Освоенные немецкими колонистами земли вскоре стали давать ценные сорта пшеницы, стремительными темпами шло экономическое развитие. О немецких колониях Мелитопольского уезда Таврической губернии в энциклопедии Брокгауза и Ефрона сказано: «В короткое сравнительно время полупустынная местность Молочановского округа наполнилась рощами плодовых, тутовых и лесных деревьев, богатыми хлебными нивами и стадами отличной породы скота».

В результате развития немецких колоний на Волге, в Приднепровье и Причерноморье очень скоро возник земельный вопрос. Стоимость земли и аренда ее в колониях стали настолько высокими, что большинство колонистов не могли рассчитывать на ее приобретение. Тогда вновь началось переселение в неосвоенные районы – на свободные земли Сибири и Казахстана.

В степных просторах Алтайского округа Томской губернии не было помещичьего землевладения. Пустовавшие здесь земли являлись собственностью царской семьи, ими управлял Кабинет Его Величества. Молва о пустовавшей в Сибири земле быстро распространилась среди немецких колонистов, и в конце XIX – начале XX в. первые немецкие крестьяне двинулись в Западную Сибирь. В 1890 г. в Кулундинской степи возникло первое немецкое село Шенефельд (Желтенькое), а в 1893 г. – Подсосново [4]. Массовое организованное переселение немецких колонистов в Алтайский округ Томской губернии началось после принятия Государственной Думой и Государственным Советом закона от 19 сентября

1906 г. «О передаче Кабинетских земель в Алтайском округе в распоряжение Главного управления Землеустройства и Земледелия для образования переселенческих участков». Способствовала переселению и столыпинская аграрная реформа.

Местом компактного поселения немцев стала свободная северо-восточная часть Кулундинской степи. Весной 1907 г. сюда прибыли ходоки от немецких колонистов Таврической, Самарской и Саратовской губерний. Они тщательно осмотрели будущие участки, взяли пробы почвы, измерили глубину залегания воды и заявили о желании занять эти земли. На предостережение чиновников из Переселенческого управления, что на этой земле нет ни озер, ни рек, из-за чего здесь русские поселенцы не селятся, ходоки ответил: «Дайте нам землю, а воду из нее мы достанем».

В своих воспоминаниях, опубликованных в книге «В степях Сибири», бывший учитель села Красный Дол Орловской волости Г. Фаст пишет, что «в начале 1907 года в меннонитской колонии Т...иге Заградовской волости Херсонской губернии состоялся волостной сход граждан. На сходе была избрана комиссия из ходоков в количестве трех человек (Ф. Буллер, И. Вибе, А. Дик), которая представляла 180 семей общим числом 882 человека, желающих переехать в Сибирь». В Уфе к данной комиссии присоединились представители комиссий из других колоний немцев-меннонитов. Объединенную группу ходоков возглавил Яков Абрамович Реймер, состоятельный меннонит из Екатеринославской губернии.

Пётр Аркадьевич Столыпин

Один из ходоков, Яков Петерс, писал, что в Уфе Я.А. Реймер встретился с премьер-министром России П. Столыпиным (он в то время направлялся на Дальний Восток и в Корею и сделал короткую остановку в Уфе) и обговорил с ним вопросы переселения немцев-меннонитов в Сибирь и на Амур. Столыпин сказал Я. Реймеру, что царь желал бы увидеть на своих Кабинетских землях образцовых землевладельцев и что он (царь) готов из выделяющегося миллиона десятин 500 тысяч десятин отдать переселенцам безвозмездно.

Каждая семья внесла ходокам по 6 рублей на дорожные расходы. Царское правительство предоставило ходокам право проезда по железной дороге за одну треть стоимости от тарифа.

Четвертого мая 1907 г. ходоки выехали железной дорогой до Новониколаевска (ныне Новосибирск), а оттуда – пароходом до г. Камня-на-Оби. Здесь они наняли извозчика и на тарантасе отправились в глубь Кулундинской степи, на те земли, которые тогдашний министр внутренних

дел царского правительства П.А. Столыпин выделил для новых поселений. Проехав около 150 верст, ходоки сошли с подводы и глазами знатоков облюбовали отведенные земли. Они шагали по нетронутой целине, где по колону росли степные травы и цветы. То тут, то там подкапывали землю, брали пробы почвы в мешочки, осматривали толщину гумусного слоя и пришли к выводу, что земли Кулундинской степи вполне пригодны для возделывания сельскохозяйственных культур.

Немецкие ходоки потратили целую неделю на осмотр переселенческих участков. Они ночевали то в Подсоснове, то в Жёлтеньком, то в Богатском. На обратном пути они заехали в село Карасук к уполномоченному по переселенческому вопросу и оформили заявку на отвод земельных участков под поселки. Возвращаясь затем в Камень-на-Оби, ходоки заехали в уездный центр – Барнаул – для получения разрешения на поселение в тогдашней Тополинской волости. Получив такое разрешение, ходоки тут же сели на пароход и поехали в Новониколаевск, а оттуда по железной дороге – в свои колонии, чтобы готовиться к переселению в Сибирь. Кроме утешительных известий о наличии свободной плодородной земли, они везли сообщение об относительно низких ценах на скот: корова стоила 15 рублей, лошадь – 20-30.

Для новых немецких поселений в Кулундинской степи было выделено 60 тысяч десятин земли, а землемер Давид Блок, прибывший в Сибирь в 1907 г. из меннонитских Оренбургских колоний, разместил участки по 2000 десятин на каждое село.

Немцы пользовались при переселении в Сибирь определенными льготами. Например, проезд по железной дороге составлял 25% от обычного тарифа, а дети до 10 лет ехали бесплатно. Переселенцы освобождались от налогов в течение первых пяти лет, от воинской службы – первые три года, им выделялась беспроцентная ссуда в сумме 160 рублей на покупку скота, инвентаря и семян.

Кандидат исторических наук В.И. Бруль в своей книге «Немцы в Западной Сибири» пишет: «Меннониты были материально обеспечены

гораздо лучше других групп переселенцев. В прежних местах жительства меннониты имели крепкое домашнее хозяйство. Поселившись в Сибири, они пользовались правом получения ссуд из капиталов, хранившихся в тех обществах, откуда они вышли. Из Таврической губернии из фонда для переселенцев меннониты могли получить беспроцентную ссуду до 450 рублей на 19 лет. Кроме того, многие из них получили ссуду по 275 рублей на двор сроком на 5 лет при 5% годовых.

Из Хортицкой волости Екатеринославской губернии переселенцы получили по 118 рублей в безвозмездное пособие и с возвратом по 115 рублей. Кроме того, в первый год поселения в Сибири они получали отсюда по 50 рублей на семена. Возвратить его своему обществу они должны были не деньгами, а хлебом, который ссыпался в хлебозапасный магазин переселенческого общества в Сибири на случай возможных неурожаев. Таким образом, меннониты, в отличие от других переселенцев, в том числе и немцев, могли быть уверены в своем будущем. Они знали, что всегда получат материальную и моральную поддержку, если не здесь, то у братьев-меннонитов, разбросанных по всему миру» [5].

Вот как рассказывала Елизавета Францевна Фальк из села Чертеж о первых поселенцах: «С Украины мы ехали поездом в телячьих (грузовых) вагонах до станции Каргат, там купили лошадей и две брички. Сбрую привезли с Украины. Доверху груженные, тронулись в путь. С нами ехала целая вереница подвод восьми семей. Это было в июле 1908 г. Проехав верст пятьдесят, мы остановились на ночлег. Утром – дальше на юг. Кругом богатая, нетронутая целина, поросшая тучными травами и цветами.

Изредка попадались березовые колки. А сколько земляники было кругом! Набирали ее корзинами, ведрами. На пятые сутки прибыли на отведенное нам место. До нашего приезда здесь уже было выкопано два колодца от казны. Мне было 8 лет. Родители сразу взялись строить хату из дерна. Однолемешным плугом нарезали пласты и из них возвели стены. Лес привезли казахи из ленточного бора, продавали его по сходным ценам. К

осени было построено несколько хат (домов). Каждый хозяин построил и небольшой хлев для скота и домашней утвари. По соседству, в русских деревнях – Знаменке, Богатское – жили добрые, хорошие люди. Они нам дали взаймы зерно на хлеб и семена».

Один из первопоселенцев, проповедник (старший пресвитер) Пётр Вибе пишет: «Недалеко от наших сел находились большие русские села... Мы находили в этих селах привлекательных, честных и чистоплотных людей. Мы находили там помощь. Они шли нам навстречу. Будь то семена, корм или другие услуги. Они освоили далекие сибирские степи по-своему: разводя табуны лошадей, крупного рогатого скота и овец, ну и, естественно, занимались зерновым хозяйством. Во дворах стояли полные амбары с пшеницей, ячменем и овсом...»

Продолжим рассказ Елизаветы Францевны: «Осенью того же года наш отец Франц Герцен и его сосед Яков Дерксен сложились, однолемешным плугом вспахали 10 десятин целины, весной 1909 года их засеяли. Осенью собрали по 100 пудов пшеницы с каждой десятины. Сообща поднимали целину и другие. Хлеб возили в город Камень-на-Оби и продавали купцам...»

Как бы дополняя рассказ Е.Ф. Фальк, Исаак Исаакович Дик – сын основателя села Полевого – рассказывал: «Отец с матерью поздней осенью 1907 года доехали до села Чистое и там перезимовали. Весной 1908 года они переехали в Полевое. Здесь, как и в других поселках, уже был вырыт колодец и построен деревянный склад. Правда, первое время колодец не давал воды, но приехали специалисты из волости и пробурили его глубже. Колодец был глубиной 60 метров. Отец вырыл землянку и хотел в ней жить, однако волостной старшина Яков Абрамович Реймер не разрешил жить в ней. Он (Реймер) определил место постройки дома, выделил и отмерил отцу надел земли в 50 десятин, сказал, где и что сеять. Наделы земли (пашни) у всех были свои, а пастбища и сенокосы общие. Первую целину – 10 десятин – вспахали на четырех быках русские крестьяне, нанятые отцом в Ильинке. В этом же году отец построил дом и в сарае сразу же вырыл колодец. В

1910 году у родителей родилась дочь. Назвали ее Марией – она была первым ребенком, родившимся в Полевом...»

Не умаляя роли и значения освоения целинных и залежных земель 50-х гг. XX в., хотелось бы сказать, что истинными первопроходцами вековой целины в так называемой зоне рискованного земледелия являются именно переселенцы времен Столыпинской земельной реформы – как русские, так и их немецкие, украинские, чувашские и другие сопереженцы.

О трудностях и лишениях переселенцев Кулундинской степи сообщается в журнале «Нива» за 1912 г.: «Не следует думать, что дело переселения – дело легкое и несложное... Сегодня на огромном пространстве диких степей кипит героическая работа, идет почти стихийная борьба с нетронутой человеческими руками природой... Неприветливой казалась степь новоселам. Зимой безбрежное море прошито лишь редкими стежками звериных следов. Весной степь вспыхивает на короткое время яркими цветами разнотравья, звонким пением жаворонка, а потом краски тускнеют и чахнут, степь становится унылой, пепельно-серой от ковыля».

Условия для экономического развития крестьянских хозяйств Кулундинской степи были тоже не из легких. Для сбыта зерна и других продуктов приходилось ездить в Камень-на-Оби или Павлодар за 150-200 верст. И все же инспекторская комиссия из Томска, осмотревшая ряд поселений в 1911 г., отмечала: «У немцев мы видели лучший скот, лучшие урожаи, лучшее сено. У них свои инструктора полеводства, огородничества, скотоводства. Их грамотность позволяет осмысленно ориентироваться в новых условиях. Они изучают окружающие условия, делают опыты с возделыванием разных злаков и овощей. При неудачах не жалуются на климат, а выясняют причины неудач. Наиболее культурную, зажиточную часть Кулундинской степи 1911 года представляли немцы-меннониты. Уже самый вид их поселков был привлекательным. Всюду чистота, прибранность, порядок. Дома светлые, просторные, выведены в одну линию с палисадниками. В деревнях много зеленых насаждений [6]».

1910 г. был в известном смысле высшей точкой развития немецких колоний в Сибири: деревни были уже основаны и почти отстроены, заселение местности заканчивалось, началось нормальное экономическое развитие.

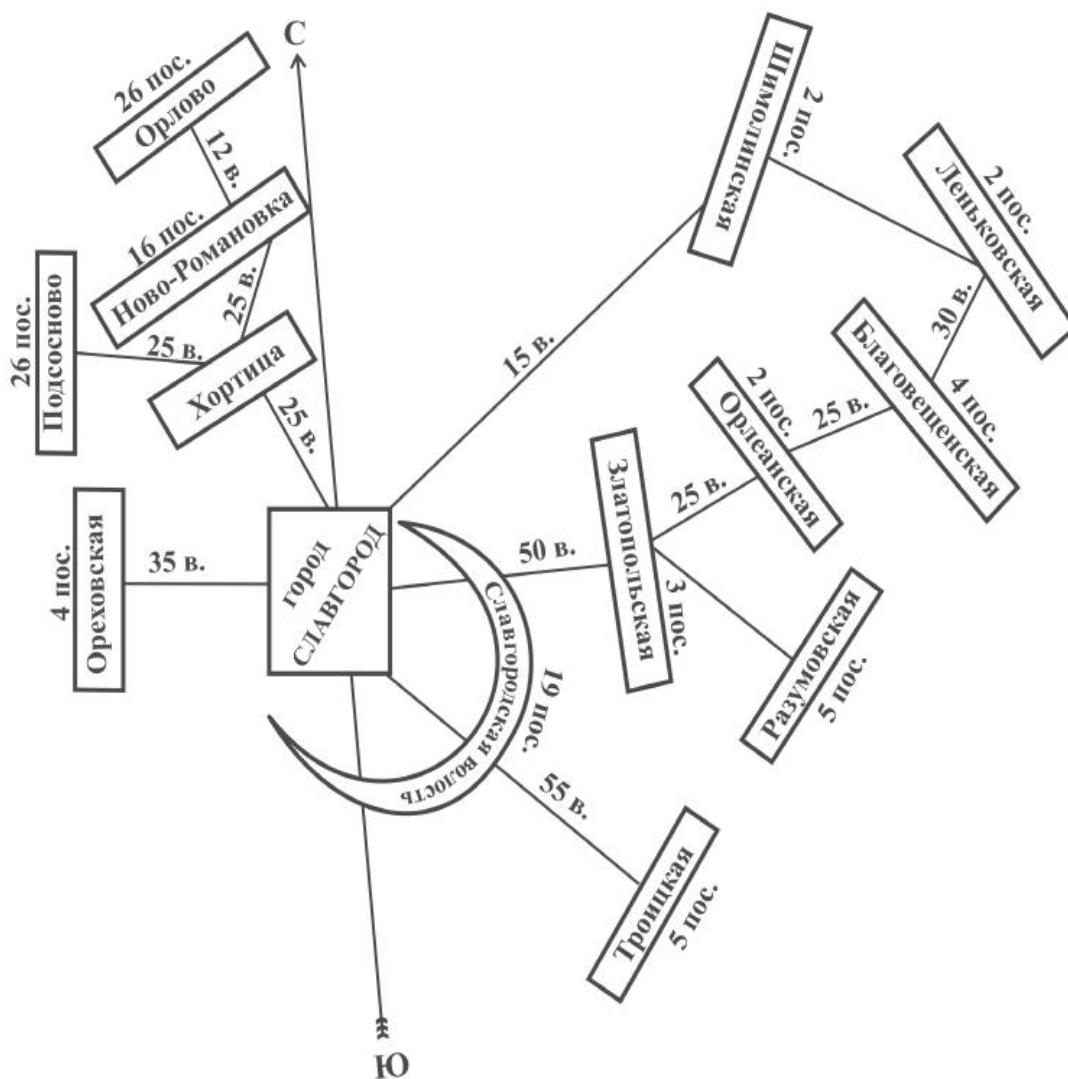
Хотелось бы отметить, что благодаря Столыпинской аграрной реформе посевные площади с 1905 по 1912 г. выросли на 33%, а поголовье скота – на 23%. Накануне Первой мировой войны освоенные переселенцами земли давали стране ежегодно около 100 млн пудов зерна. Вывоз масла и хлеба из региона увеличился в несколько раз [7]. К 1915 г. в Славгородском округе насчитывалось 113 селений, в которых проживало около 36 000 немцев-колонистов [8]. По переписи населения 1920 г. в Сибири проживало 84 141 человек немецкой национальности, в том числе 35 729 – в границах сегодняшнего Алтайского края и 31 754 – в Славгородском округе [9]. Некоторое уменьшение числа немцев-колонистов к 1920 г. вызвано эмиграционными процессами 1918–1920 гг.

Переселившись в Сибирь, немецкие колонисты остались верны своим особенностям и традициям. Каждая группа немцев продолжала говорить на родном диалекте – нижне- или верхненемецком. Соблюдался традиционный образ жизни. Расселение шло строго обособленными группами. Меннониты, примерно 45% от общей численности немцев-колонистов, основали такие поселки, как Орлово, Синеозерное, Лесное, Полевое, Дворское, Гришковка, Кусак, Глядень, Ананьевка и другие, а католики – около 10-15% и лютеране – около 40% – поселки Подсосново, Камыши, Марьяновку, Ново-Романовку, Константиновку, Ольгино и другие. В первые годы поселения эти поселки административно подчинялись русской Тополинской волости, но уже на 1 января 1910 г. обрели свое самоуправление. Вначале было создано три немецких управления (волости) в Орлово, Ново-Романовке и Подсоснове, а в 1917 г. была образована еще и Хортицкая волость. В архиве сохранился «Список населенных мест в Алтайской губернии» [10], где под номерами 164, 165, 167, 172 указаны волости, вошедшие впоследствии в Немецкий район.

СПИСОК НАСЕЛЕННЫХ МЕСТ В АЛТАЙСКОЙ ГУБЕРНИИ

№ п/п	Наименование волостей	Количество населенных пунктов	в них	
			семей в 1917	душ обо-го пола
164	Ново-Романовская	16	578	3540
165	Орловская	34	1050	7152
167	Подсосновская	24	1260	6916
172	Славгородская	53	3399	16130

В архивных документах я обнаружил и такой любопытный документ – «Схему волостей с немецким населением Славгородского уезда» [11]. Датируется он примерно 1917 г. – началом 1918 г.

Маргарита Гизбрехт, одна из трех девушек, вручавших хлеб-соль Столыпину и его свите. Личный архив А.А. Фаста.

Осенью 1910 г. тогдашний глава царского правительства П.А. Столыпин и начальник Главного управления землеустройства и земледелия Министерства земледелия и государственного имущества А.В. Кривошеин, совершая поездку по Сибири, лично интересовались практическим осуществлением проводимой правительством аграрной реформы. Проехав поселения Кулундинской степи, они остановились в селе Орлово, где к тому времени было закончено строительство здания волостного управления. Столыпин и его свита были торжественно встречены местными властями и духовенством. По русскому обычаю, с хлебом и солью на серебряной тарелке, гостей встретил старшина Я.А. Реймер, который пригласил высоких гостей пройти в волостное управление. Там гостей торжественной молитвой встретили ведущие проповедники (пресвитеры), а старший пресвитер Петр Вибе произнес приветственную речь на чистом русском языке. Премьер выслушал все приветствия и после обеда в новом доме волостного правления

спросил, какие есть просьбы у новоселов. Я.А. Реймер не постеснялся и от имени всех меннонитов попросил провести в колонию... железную дорогу.

«Это не просьба, а целая просьбища!» – воскликнул, согласно газетному очерку, Столыпин, но тем не менее обещал и железную дорогу, и больницу, и почту. Постепенно эти обещания были выполнены, правда, железная дорога, построенная уже после смерти Столыпина, в период Первой мировой войны (1914–1916 гг.), не дошла до колоний, а прошла только в Славгород. Но и это было большим облегчением, ведь до этого, как уже было сказано, приходилось колонистам везти свое зерно, другие продукты в Камень-на-Оби за 200 верст, что стоило очень дорого.

Яков Абрамович Реймер. Минувшие дни. Славгород. № 5. 2010

Несколько строк из воспоминаний В.П. Вошинина, члена 3-й Государственной Думы царской России, также побывавшем в селе Орлово: «Еду по степи в другую сторону, на восток, от прежнего пути по направлению к «ближайшей» (256 верст) пристани на Оби – к селу Камню. Такое же море пшеницы, такая же благодать кругом. Кончилась Славгородская волость, неизменная картина и в Орловской смежной. Эта последняя управляется знаменитым на всю округу старшиною Реймером, состоятельным меннонитом, еще в Екатеринославской губернии владевшим

сотнями десятин. Задумав переселиться в Кулунду, однообщественники упросили и Реймера двинуться с ними, и вот он здесь, непоколебимый всеобщий авторитет, едва ли не абсолютная глава и власть не только меннонитов, но и великороссов, хохлов и поляков, заселяющих территорию волости. **Если на севере Кулунды царит удивительный порядок, если там поражается взор обеспеченностью и довольством жителей, то в Орлово все это доходит до последних пределов образцовости** (выделено мной – А. Фаст).

Здесь в этом году, при населении в 6 тысяч обоего пола и при наделе в волости в 50 с лишним тысяч десятин, при двух тысячах неудобной, засеяно одной лишь пшеницей 16 797 десятин да овсом 20 789. Итого кругом на семью, считая ячмень и картофель, до 20 десятин посева. Это ли не успех на четвертом году обживания.

На въезде в деревню Орлово гранитный памятник, увенчанный позолоченным двуглавым орлом и огороженный чугунной решеткой. Кругом цветники, чисто посыпанные песком дорожки, на постаменте доска с надписью: «1910 год 29 августа. В память господину Председателю Совета Министров П.А. Столыпину и Главноуправляющему землеустройством и земледелием А.В. Кривошеину, посетившим Орловскую волость. На сем месте были встречены с хлебом и солью Дорогие Гости Волостным Старшиною Я.А. Реймером с тысячами переселенцев».

В этой надписи, отредактированной и придуманной самим Реймером, в самом факте постановки памятника и в рассказах орловцев о проезде Столыпина три года назад много трогательного, симпатичного – быть может, и слишком сентиментального, но, во всяком случае, достойного внимания. Орловцы уже успели беззаветно полюбить свою новую землю, они хотят уже истории своего селения – чего же ярче, для начала, как не приезд главы правительства сюда, в Кулундинскую степь.

С тех пор много воды утекло, и не узнал бы покойный Столыпин радушную Орловку. Уже почта здесь есть, строится большая больница,

размножились собственного устройства колодцы, растут жилые и служебные здания. Для придания большей торжественности духовным песнопениям была желательна музыка – и вот готов уже духовой оркестр из молодых парней. Кое-как подучились, играют уже много вещей, за 100 рублей в месяц ищут капельмейстера и не могут найти: кто поедет в безвестную глушь, где нипочем 50 верст, и едва ли не за спичками ездят в Славгород! А дайте поблизости железную дорогу, и орловцы поставили бы рекорд хлебного экспорта, завалили бы и Бурлу, и Карасук, и сам Славгород, через который и теперь ведется торговля хлебом всякого рода.

Чистое поместительное волостное правление с кабинетом для старшины, шутка ли сказать, а на сходе у него все парламентские обычаи в отношении ведения прений и проч. При этом держат себя на этих сходах десятидворники с огромным достоинством – ни шуму, ни ругани, ни безобразных выходов. Оттого и дружно осуществляются всякие общественные мероприятия, оттого и царит здесь культ чести, труда и порядка.

Еще верст 20 к северу лежит Кулундинская степь, все продолжение Орловской волости, а затем вновь опять, как отрезанный, переход: начинает уныло тянуться пустая «паскотина», посевы неизмеримо бедные и хуже, вдали виднеются деревца – вступление в полосу старожилого Барнаульского заселения...» [12].

Немцами-колонистами был привнесен из их прежней жизни и экономический уклад. Во многих селениях имелись хлебозапасные магазины, мельницы с нефтяными двигателями. На общинные средства содержались фельдшеры и акушеры, школьные учителя и учителя, которые приезжали из старых немецких колоний и из Германии. В местах поселений существовал институт санитарных попечителей, которые наблюдали за чистотой в поселках, сообщали врачу о проявлениях острозаразных заболеваний и

принимали упреждающие меры. У немцев имелись свои инструкторы полеводства, огородничества и скотоводства. Высокий уровень грамотности и общей культуры давал немцам возможность осмысленно ориентироваться в новых условиях жизни, чего не было у многих других народов.

Население немецких сел занималось в основном хлебопашеством и усердно работало над улучшением своего живого и мертвого инвентаря. Каждый хозяин стремился иметь в своем дворе хороших лошадей, хороший рогатый скот, превосходные земледельческие орудия, прекрасный дом и так далее. Так, например, в поселке Угловом Орловской волости на 27 дворов в 1914 г. было: лошадей рабочих – 108, молодняка лошадей – 35, коров – 72, молодняка КРС – 30, свиней – 50, поросят – 60, однолемешных плугов – 20, букеров – 20, сеялок – 1, лобогреек – 11, борон «Зигзаг» – 36.

Благодаря строгому надзору со стороны волостных старшин, сельских старост и священнослужителей, суровой дисциплине, были изгнаны из немецких сел грубость, безнравственность и разврат. Одновременно эти строгие меры привели к тому, что благосостояние жителей неуклонно возрастало. Одна из первопоселенцев поселка Угловое Зара Зиберт рассказывала автору этих строк, что «первопоселенцы были очень прилежные люди. Они вставали рано, а во время жатвы и молотбы спали обыкновенно не более четырех часов, а некоторые даже и меньше того».

В одной из крестьянских немецких прибауток тех лет были такие слова:

«Кто в сенокос вилой не машет,
И кто в жатву не потеет,
И кто осенью поздно встает,
Тот зимой пусть лапу сосет».

Забота об образовании позволяла воспроизводить традиционную крестьянскую культуру в новых поколениях колонистов, религия позволяла сохранить определенный духовный облик и предохранить общину от

проникновения чуждых идей. Периодические контакты со старыми немецкими колониями позволяли поселенцам на Алтае этническое своеобразие немецкого народа.

Таким образом, оценивая результаты жизнедеятельности немецких колонистов в Сибири с конца XIX в. до 1917 г., следует признать, что они активно включились в процесс хозяйственного освоения новых территорий наряду с другими переселенцами. В большинстве своем колонистам удалось создать в Сибири экономически более крепкие хозяйства, чем те, которые были у них на родине. Они выгодно отличались от хозяйств других переселенцев, что убедительно подтверждается сельскохозяйственной статистикой и наблюдениями современников. При этом общей тенденцией немецких колоний был процесс перехода хозяйств из низших в высшие социальные слои.

Профессор Л.В. Малиновский пишет, что Первая мировая война и наступившие с ней разные катаклизмы сильно подрезали хозяйство колонистов, но полеводство все же продолжало развиваться, посевная площадь даже выросла по сравнению с мирным временем: в 1916–1918 гг. урожай местами был в 5-6 раз больше по объему, чем до войны. В качестве примера он приводит размер посевов и объем собранной продукции у колонистов поселка Саратовка Рубцовского уезда, где в 1910 г. было засеяно 900 десятин зерновых, в 1917 г. – 1000, в 1919 г. – 1300 десятин, а урожайность с десятины составила в 1910 г. 35 пудов, в 1917 г. – 200, в 1919 г. – 240 пудов [13].

Однако Первая мировая война, Февральская и Октябрьская революции 1917 г., Гражданская война и наступивший военный коммунизм, а затем продразверстка сильно замедлили поступательное развитие всех немецких колоний немцев в Сибири, привели к их обнищанию и в конечном счете к массовой эмиграции немцев из России в 1920-х гг. Но это уже другая история.

Источники и литература:

1. История российских немцев в документах (1763–1992). М., 1993. С. 18-21.
2. Там же. С. 6.
3. Фаст А.А. Страницы прошлого и настоящего села Полевого и колхоза имени Тельмана. Полевое, 1999. С. 8-9.
4. Список населенных мест Сибирского края. Вып. 4. Славгородский округ. Новосибирск, 1928.
5. В.И. Бруль. Немцы в Западной Сибири. с. Топчиха, 1995. С. 5.
6. Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. Вып. № 1. 1913.
7. Минувшие дни. Славгород. № 5. 2010.
8. Герман А.А. История немцев России. М., 2005. С. 206.
9. Матис В.И. Немцы Алтая. Барнаул, 1996. С. 15.
10. ГААК. Ф.П-38. Оп. 2. Д. 114. Л. 3, 14.
11. Там же. Д. 181. Л. 19.
12. Воцинин В.П. На Сибирском просторе. Картины переселения. СПб., 1912.
13. Малиновский Л. Немцы в России и на Алтае. Барнаул, 1995.

References:

1. The history of Russian Germans in documents (1763–1992). М., 1993, pp. 8-21.
2. Ibid, p. 6.
3. Fast A.A. Pages of the past and present of the village of Polevoye and the Telman collective farm. Polevoye, 1999, pp. 8-9.

4. List of populated areas of the Siberian region. Issue 4. Slavgorod district. Novosibirsk, 1928.
5. Brul V.I. Germans in Western Siberia. Topchikha, 1995, p. 5.
6. List of statistical information on the economic situation of immigrants in the Tomsk province. Issue No. 1, 1913.
7. The past days. Slavgorod, № 5, 2010.
8. German A.A. History of the Germans of Russia. M, 2005, p. 206.
9. Mathis V.I. Germans of Altai. Barnaul, 1996, p. 15.
10. SARA. F.P-38. Op. 2. D. 114. L. 3, 14.
11. Ibid. D. 181. L. 19.
12. Voshchinin V.P. In the Siberian expanses. Relocation pictures. SPb., 1912.
13. Malinovsky L. The Germans in Russia and Altai. Barnaul, 1995.